

Текст · 5 ноября 2020, 10:01

Алла Константинова,

Пролежни «чуть ли не до мяса». В тюремной больнице в Ростовской области правозащитники обнаружили заключенных, которых неделями не отвязывают от кроватей

Побывавшие в психиатрическом отделении тюремной больницы в Ростовской области заключенные рассказали правозащитникам, что их привязывают к кроватям и надолго оставляют без движения — сутками, неделями или даже месяцами. Посетив больницу, руководство которой отказывается ставить видеокамеры в этом отделении, члены ОНК обнаружили там привязанных заключенных, некоторых с пролежнями «чуть ли не до мяса» и ранами от связывания. Один из пациентов скончался — родные уверены, что причиной смерти стали именно такие пролежни.

В начале сентября 27-летний заключенный СИЗО-1 в Ростове-на-Дону Руслан Арапов^[1] показал членам местной ОНК^[2] две рваные раны на ноге, вспоминает правозащитница Наталья Меркулова. Одна из ран, выше колена, была размером около 15 сантиметров в длину, вторая, чуть ниже — около шести сантиметров.

Заключенный сказал, что получил повреждения во время содержания в психоневрологическом

отделении МОТБ-19^[3], где он был постоянно привязан к кровати 71 день — с 13 июня по 22 августа.

«Раны были получены от воздействия восьми ремней, которыми его фиксировали к кровати. Они такие белые, прошитые, похожи на ремень от халата», — пересказывает Меркулова слова заключенного.

Арапов рассказал, что его соседей по палате месяцами не отвязывали от кроватей, из-за чего у многих образовались глубокие пролежни.

По словам правозащитницы, когда Арапов вернулся из больницы в СИЗО, сотрудники изолятора не зафиксировали повреждения. Сделали они это лишь спустя 17 дней, после того как члены ОНК опубликовали в соцсетях фотографии других заключенных, еще раньше получивших похожие раны в МОТБ-19.

«Мы увидели у человека на спине пролежень, такую дырку, как будто ему выстрелили в спину в упор, — вспоминает посещение больницы в начале года глава ростовской ОНК Игорь Омельченко. — Я никогда такого не видел раньше. На момент нашего посещения было человек семь связанных. Опросили их: одного пять дней не отвязывали, другого — трое суток».

«Люди лежат от месяца до трех»

«Это давняя тема, все заключенные боятся как огня, как смерти, эту МОТБ, — говорит Омельченко из ОНК. — И не хотят вообще туда ехать».

В сентябре, после заявления Арапова, правозащитники снова поехали с проверкой в тюремную больницу и снова увидели там человека с пролежнем на спине: «большим, чуть ли не до мяса», вспоминает Омельченко. Заключенный рассказал, что его «не отвязывают и мучают», а поместили его в больницу, потому что он «не хотел выполнять требования» сотрудников ФСИН.

В сентябре «привязанных было пятеро». Но многих из них членам ОНК расспросить не удалось, потому что они были «обколоты» лекарствами и разговаривать не могли.

В психиатрическое отделение МОТБ-19 отправляют заключенных, «которые или поругались с сотрудниками ФСИН или не выполняют то, что от них нужно», объясняет Игорь Омельченко. Чаще всего туда направляют из медчасти колонии или СИЗО с пометкой «острый психоз».

«Попадают в это отделение те, кто членовредительством занимался или угрожал кому-то, написать можно многое, — говорит правозащитник. — Там им вкалывают препараты, привязывают к кровати — за руки, за ноги. Люди лежат от месяца до трех, их мало кормят, все истощены, конечности атрофируются, человеку потом их разрабатывать».

Руслана Арапова госпитализировали в МОТБ-19 в июне 2020 года. Накануне госпитализации он, находясь в боксе временного содержания ростовского СИЗО-1, крышкой от консервной банки отрезал себе часть члена, рассказывает его сестра Ирина Арапова^[4]. Игорь Омельченко из ОНК вспоминает, что разговаривал с Русланом о том, зачем он это сделал:

«Как он говорит, он делал себе обрезание. Он мусульманин, давно сидит, необрезанный — начал потихоньку его делать. В итоге, как он говорит, его привезли в МОТБ и отрезали под корень весь член. Где он крышку консервную раздобыл? Да там же, где и телефон, в СИЗО это не проблема, поэтому изначально в документах и писали, что он член себе бритвой отрезал, а не крышкой».

Во всех отделениях ростовской тюремной больницы есть камеры видеонаблюдения, кроме психиатрического, добавляет Омельченко. Члены ОНК даже предлагали руководству больницы установить систему видеонаблюдения за свой счет, но им отказали.

«За связанными ухаживают такие же больные, мы называем их "санитарами", — рассуждает правозащитник о причинах отказа. — Они когда-то сами были "на вязке", и им поручают смотреть за этими людьми. Каждые два часа их должны отвязывать, но никто этого там не делает. Более того, доходит до издевательств: и моральных, и сексуальных. И в рот, и в еду плевали, били. Или достанут член и по губам водят, по лицу — очень много всего».

Серая зона «мер временного стеснения»

Так называемые «меры временного стеснения» пациентов применяют в случае, когда человека нельзя успокоить седативными препаратами, говорит психиатр Виктор Лебедев, руководитель проекта [«Дело Пинеля»](#), занимающегося правовыми вопросами психиатрической помощи.

«Только тогда мы обязаны обеспечить фиксацию, — говорит Лебедев. — Она применяется с помощью либо специальных приспособлений, либо подручных средств. Мы должны обездвижить пациента или ограничить его передвижение для предотвращения действий, опасных для него и окружающих».

Однако в России не существует инструкции, регламентирующей применение мер стеснения, продолжает врач: «Именно по этой причине фиксация больных — это большая серая зона. Она применяются и вне психиатрических учреждений: пациентов привязывают в реанимации, фиксируют в палатах и пансионатах. Это делают для облегчения ухода за ними».

Сестра Руслана Арапова, узнав о ранах, отправила жалобы в прокуратуру, Следственный комитет Ростовской области и региональное отделение Росздравнадзора. В последнем ведомстве обращение пока не получили, говорит Леонид Жабин, начальник отдела организации контроля и надзора в сфере здравоохранения. По его словам, плановые проверки МОТБ-19 и других медицинских учреждений области

отменены на период пандемии *COVID-19*. Впрочем, раньше они проходили тоже нечасто — раз в пять лет.

«Мы проводим проверки в рамках закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей", мы не можем просто пройти и проверить — так не бывает, — говорит Жабин. — Мало того, с учетом ограничений на ковидный период, все внеплановые проверки проводятся только с разрешения прокуратуры области. Поэтому просто пойти и посмотреть, что там да как — в настоящий момент невозможно».

В 1992 году в России вступил в силу закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». В нем указано, что меры физического стеснения медики могут применять только по распоряжению врача-психиатра, когда «иными методами невозможно предотвратить действия госпитализированного лица, представляющие непосредственную опасность для него или других лиц». Отдельно в законе прописано, что «вязка» должна осуществляться при постоянном контроле медицинских работников. Способ стеснения и время его применения должны быть также зафиксированы в медицинских документах. «Привлечение других пациентов для этих целей исключается», — говорится в письме бывшего главного санитарного врача России Геннадия Онищенко от 2002 года.

Смерть от сепсиса

Галина Михайлова, дочь погибшего заключенного Романа Михайлова, подозревает, что несовместимые с жизнью раны у отца образовались именно в психиатрическом отделении МОТБ-19. Туда 42-летний Михайлов попал в начале апреля, а уже 24 июня скончался. Его дочь рассказывает, что сначала на месяц потеряла связь с отцом, а в мае узнала, что его госпитализировали в тюремную больницу.

«Я его в последний раз видела на приговоре в январе, — плачет она. — Тогда он выглядел нормально, весил под 120 килограммов. Когда мне в июне выдали тело, я его не узнала — он был весь седой, с длинными ногтями на руках, кожа да кости. Опознала его только по татуировкам на руках».

Осужденного за угрозу убийством^[5] Романа

Михайлова в апреле 2020 года должны были этапом отправить в Калмыкию из СИЗО-3 в Новочеркасске. Вместо этого он оказался в психиатрическом отделении МОТБ-19. В начале мая Галина приехала в больницу, чтобы узнать, почему это произошло.

«Через четыре часа вышла врач и сказала, что у папы был нервный срыв, — вспоминает Михайлова. — Говорит: "Мы за ним приехали, он оказал агрессию, и мы его сюда поместили". Не волнуйтесь, говорит, он здесь находится под наблюдением и лечением. Я спрашиваю: каким еще лечением? А она мне ответила, что без официального разрешения начальника [больницы] они не имеют права разглашать эту информацию».

В начале июня адвокат Михайлова попытался увидеться с ним в больнице, но руководство ему отказало, сославшись на недавнюю операцию «на основании хронического заболевания» у пациента. Дочь уверяет, что хронических заболеваний у отца никогда не было. 26 июня в почтовое отделение хутора Кавалевского, где она живет, пришло сухое сообщение с подписью начальника МОТБ-19 Сулеймана Гаджикурбанова: «Михайлов Роман Валерьевич умер».

Дочь вспоминает, что только через три месяца получила заключение о смерти^[6] из бюро судмедэкспертизы. В нем сказано, что отец скончался от сепсиса и флегмоны^[7] поясничной области — по сути, из-за тех же пролежней или ран, образовавшихся от привязывания к кровати.

«Закрытое учреждение, и они делают, что хотят», — констатирует правозащитник Игорь Омельченко.

Он уверен, что решить проблему с привязыванием заключенных к больничным койкам помогут только установленные везде видеокамеры: «И это касается не только вязок. Все нарушения осужденных, все

действия сотрудников должны фиксироваться на видео».

Редактор: Егор Сковорода

1. Имя изменено.
2. Общественная наблюдательная комиссия по защите прав человека в местах принудительного содержания.
3. Межобластная туберкулезная больница № 19 Ростовской области.
4. Имя изменено.
5. Статья 119 УК.
6. Выписка из МОТБ-19, которую Галине Михайловой выдали вместе с телом отца, была краткой и неопределенной: «Причина смерти не установлена до окончания лабораторных исследований».
7. Острая бактериальная инфекция подкожных тканей.